

За окном мерцали звёзды, их свет был ярче, чем когда-либо, словно рассказывая древние романтические истории.

Она лежала с открытыми глазами, глядя на потолок, не чувствуя ни капли сонливости.

— Не хочешь спать? — вдруг повернулась к ней Е Инь, пристально глядя на её лицо. — Да?

— Не можешь привыкнуть к кровати?

Е Инь, недолго думая, положила руку под голову, а другой взяла прядь её волос.

Несколько дней не виделись, и волосы Лу Шабай, казалось, значительно отросли.

Раньше она думала, что её волосы можно собрать разве что в маленький пучок, но сегодня утром обнаружила, что они уже могут быть завязаны в хвост.

— Когда я только приехала сюда, тоже не могла привыкнуть к кровати.

Глаза Е Инь были большими, и за эти дни, проведённые в деревне, где всё вокруг стало проще, они казались ещё более ясными.

Она рассказала Лу Шабай о всех событиях, которые произошли с ней с момента приезда.

В первый день она не могла уснуть из-за непривычной кровати, а на следующий день пришлось вставать уже в шесть утра.

Режиссёр заходил утром, чтобы рассказать о планах на неделю, и она, стоя в конце группы, едва держалась на ног от усталости.

А ещё были тусклые на вид закуски из местного магазина, стая уток у соседей, разносчики овощей, зазывающие купить мясо. Хотя здесь и скучно, но есть о чём поговорить.

Лу Шабай слушала её, и постепенно дискомфорт от жёсткой кровати, который она ощущала в начале, начал растворяться в потоке её слов.

— Ты хорошо рассказываешь, — вдруг сказала Лу Шабай, когда та закончила свой рассказ.

Е Инь удивилась и решила пошутить:

— Что, хочешь сделать из меня ведущую?

— Ведущая не нужна, — ответила Лу Шабай серьёзно. — Но ты могла бы выступать с речами.

Они были так близко, что Лу Шабай видела растерянное выражение на лице Е Инь, её ресницы трепетали, а в больших глазах читалось недоумение.

Как у хомячка, у которого отобрали орешек.

Она была такой милой.

Эта мысль внезапно промелькнула в голове Лу Шабай.

Она приблизилась ещё ближе, на расстояние, где их губы почти касались, и услышала стук своего сердца.

Сильный, полный жизни ритм.

Он подталкивал её поцеловать человека перед ней.

И она так и сделала.

Губы Е Инь были мягкими, и она погрузилась в этот поцелуй.

Поцелуй, инициированный Лу Шабай, заставил Е Инь почувствовать головокружение.

Хотя это были всего лишь губы, касающиеся друг друга, и языки, переплетающиеся в танце, действия Лу Шабай казались особенно соблазнительными.

Е Инь чувствовала, будто плывёт в воде, воздух был разреженным, но сладким до головокружения, и иногда, словно маленькие рыбки, касались её ладони, вызывая мурашки, которые поднимались вверх по телу, лишая её способности дышать.

Когда она пришла в себя, её руки уже лежали на талии Лу Шабай, пальцы скользили по коже, опускаясь всё ниже.

Её дыхание участилось, но она старалась сдерживать себя.

Какие-то неуловимые ощущения, казалось, были совсем рядом.

— Ты заходишь слишком далеко... — когда Лу Шабай остановила её руку, Е Инь улыбнулась с невинным видом, пытаясь сгладить ситуацию.

— У тебя такая мягкая кожа.

— Продолжай.

Глаза Лу Шабай были затуманены, а в голосе слышался лёгкий вызов.

Она вернула руку Е Инь на свою талию, а языком провела по уголку рта.

...Эх.

Е Инь не решилась продолжить.

Хотя выражение лица Лу Шабай было спокойным, она чувствовала, что не стоит рисковать.

Её ладонь скользила по тому участку кожи, который ей особенно нравился, не смея сделать лишнего движения, лишь изредка касаясь кончиками пальцев, что вызывало лёгкий стон Лу Шабай.

Постепенно она заснула, и в то время, как Е Инь нежно гладила её по спине, Лу Шабай наконец нашла покой.

Эта ночь была короткой.

Они лежали на одной узкой кровати, ноги и руки переплетались, и Лу Шабай, как обычно, использовала руку Е Инь как подушку, а когда заснула, то буквально прилипла к ней.

Эта ночь была долгой.

До того как они начали встречаться, Е Инь никогда не знала о стольких мелких привычках Лу Шабай.

Сняв броню, которую она носила перед окружающими, Лу Шабай становилась нежной, любила обнимать её во сне, иногда шутила, боялась темноты и призраков. Е Инь обнаружила, что она мягкая и очаровательная.

В последнее время она также смутно ощущала, что Лу Шабай постепенно открывается ей, и более живая, яркая версия её представала перед глазами, заставляя Е Инь с трудом сдерживать свои чувства.

Любовь к человеку невозможно скрыть.

Первый луч утреннего света разбудил только Е Инь.

Она осторожно встала, желая приготовить завтрак для Лу Шабай перед её отъездом.

Она приехала так далеко, чтобы увидеть её, и Е Инь чувствовала, что должна что-то сделать.

Лу Шабай проснулась от аромата еды.

Её ждала тарелка лапши на курином бульоне.

Золотистый бульон, в котором лежала порция белой лапши, а сверху — жареное яйцо.

Просто и мило.

Глаза Лу Шабай, сухие от раннего подъёма, слегка увлажнились.

Она села за стол и вместе с Е Инь принялась за лапшу. Простая лапша имела особый вкус, была упругой и пропитанной насыщенным бульоном, тающим на языке.

Это было невероятно вкусно.

Е Инь сидела рядом, и, когда ела, почти прятала лицо в тарелке, лишь изредка поднимая глаза и улыбаясь с глуповатым выражением.

Лу Шабай пробовала много известных блюд из лапши на курином бульоне, но ни одно из них не заставляло её чувствовать тепло, растекающееся от кончиков пальцев до сердца.

Она хотела что-то сказать, но чувствовала, что слова будут бессмысленны.

Это не было долгой разлукой, лишь временное расставание, которое вызывало ещё большее чувство беспокойства.

Слишком сильные эмоции казались преувеличением.

Но молчать тоже было невыносимо.

Они молча доели лапшу, и Лу Шабай села за руль, запустив двигатель.

— А Бай, — наконец заговорила Е Инь, — счастливого пути.

В её голосе слышалась тысяча ноток сожаления.

— Я знаю, — Лу Шабай не смотрела ей в глаза, боясь, что не сможет уехать. — Береги себя, не загорай, в следующем месяце ещё будут промоакции.

Ты ещё не уехала, а я уже скучаю.

Провожать — это самое мучительное.

После того как Е Инь уехала в съёмочную группу, новости стали приходиться с опозданием.

Она знала только, что Лу Шабай привезла ей жареного гуся, которого она так хотела попробовать, и это был самый прекрасный день с момента её приезда.

Когда Лу Шабай вернулась в город, её рабочая нагрузка резко увеличилась.

Причина была проста: последняя новость взорвала шоу-бизнес.

Студия «Чжулу» получила инвестиции от топового фонда, а её основатель оказалась известным продюсером.

Когда новость вышла, сотрудники были в шоке, обмениваясь недоумёнными взглядами.

Лу Шабай провела несколько дней в офисе, разбирая работу, а вечером встретила с Гу Ичжэнь, чтобы поужинать и поговорить о своих «сладких проблемах».

— Когда ты предложила мне возглавить инвестиции, разве не этого ты хотела?

Гу Ичжэнь закатила глаза, слушая её с улыбкой.

Студия Лу Шабай только открылась, и ресурсов было мало, поэтому Гу Ичжэнь предложила возглавить инвестиции, и сразу же множество фондов последовали её примеру, думая, что семья Гу уходит из «Музы», чтобы осваивать новые территории.

Они ужинали в уютном ресторане, спрятанном в узком переулке, где повар с именем готовил блюда с непревзойдённым вкусом.

Лу Шабай, как обычно, заказала лапшу на курином бульоне, золотистый бульон в белой фарфоровой миске выглядел аппетитно.

— Попробуешь?

Она налила Гу Ичжэнь миску и сказала:

— Очень вкусно, курица тушилась несколько часов, такого больше нигде не попробуешь.

Гу Ичжэнь не стала церемониться, сразу же взяла миску и сделала глоток, увидев улыбку на лице Лу Шабай, она спросила:

— Что? Что это за выражение?

Она прижала миску к себе. Инвестиции в студию «Чжулу» были сделаны не только из личных побуждений. С одной стороны, она верила в способности Лу Шабай, а с другой — ранее «Муза» наняла людей, чтобы преследовать Лу Шабай, и теперь доказательства были на руках. Лу Шабай передала материалы Гу Ичжэнь, предоставив ей решать, как поступить.

Это был огромный долг, и Гу Ичжэнь не была глупой, чтобы не отплатить тем же.

— Ты планируешь использовать это? — наконец спросила Лу Шабай, спокойно отхлебнув бульон.

— Конечно, как ты и предполагала.

Гу Ичжэнь взяла ложку и продолжила есть, подмигнув ей, не желая говорить больше.

Лу Шабай поняла. По методу Гу Ичжэнь, это была бы игра на опережение, раскрытие информации и контроль над ситуацией. Уже через несколько дней все в индустрии узнали бы, что «Муза» мелочна и мстительна, не только не желая уходящим сотрудникам, но и преследуя их.

<http://bllate.org/book/15554/1414833>